

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 27.05.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-5-411-416

ЖУЛАНОВ Александр Владимирович,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры теории и истории права и государства
Волгоградской академии МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

ТЕППЕЕВ Алан Атлыевич,
кандидат педагогических наук,
старший преподаватель кафедры государственных и
гражданско-правовых дисциплин
Северо-Кавказского института повышения квалификации
(филиал) Краснодарского университета МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И РАЗРЫВЫ В РАЗВИТИИ ПРИНЦИПОВ СУДОПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ: ОТ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 ГОДА ДО СОВРЕМЕННОСТИ

Аннотация. В статье представлен ретроспективный анализ эволюции принципов российского судопроизводства, начиная с эпохи Великих реформ Александра II и заканчивая современным состоянием уголовно-процессуального законодательства. Автор концентрирует внимание на концептуальных «разрывах» и точках преемственности в отечественном судопроизводстве. Особое внимание уделено деформации принципов состязательности и непосредственности в советский период, а также их непростой «реанимации» в условиях современности. В статье критически осмысливается феномен «обвинительного уклона» как наследия инквизиционного процесса и анализируются риски, связанные с цифровизацией правосудия. Сделан вывод о том, что полноценное возрождение духа судебной реформы 1864 года невозможно без ментальной трансформации профессионального правосознания.

Ключевые слова: обвинительный уклон, принципы судопроизводства, преемственность права, судебная реформа 1864 года, состязательность, судебный контроль, уголовный процесс, цифровизация правосудия.

ZHULANOV Alexander Vladimirovich,
candidate of pedagogical sciences,
Associate Professor of the Department of Theory and history
of law and state Volgograd Academy of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

TEPPEEV Alan Atlievich,
candidate of pedagogical sciences,
Senior lecturer of the state, civil and law disciplines chair
of the North-Caucasian Advanced Training Institute (branch)
of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

CONTINUITY AND DISCONTINUITY IN THE DEVELOPMENT OF JUDICIAL PRINCIPLES IN RUSSIA: FROM THE JUDICIAL REFORM OF 1864 TO THE PRESENT DAY

Annotation. *The article presents a retrospective analysis of the evolution of the principles of Russian legal proceedings, starting from the era of Alexander II's Great Reforms and ending with the current state of criminal procedural legislation. The author focuses on the conceptual "breaks" and points of continuity in domestic legal proceedings. Special attention is given to the deformation of the principles of adversarialism and immediacy during the Soviet period, as well as their challenging "resuscitation" in modern times. The article critically examines the phenomenon of the "accusatorial bias" as a legacy of the inquisitorial process and analyzes the risks associated with the digitalization of justice. It is concluded that a full-fledged revival of the spirit of the 1864 judicial reform is impossible without a mental transformation of professional legal consciousness.*

Key words: *accusatory bias, principles of legal proceedings, continuity of law, judicial reform of 1864, adversarial proceedings, judicial control, criminal proceedings, and digitalization of justice.*

Любой анализ современного российского правосудия неизбежно должен начинаться с 1864 год. Именно в то время в России можно было наблюдать переход от закрытого канцелярского суда к живому, состязательному процессу. Принципы, заложенные тогда Александром II, в числе которых независимость судей, гласность, участие присяжных, стали той основой, на которой и сегодня держится логика действующего Уголовно- процессуального кодекса РФ (далее - УПК РФ). При этом важно осознавать, что преемственность в данном случае не линейная. Нужно помнить, что реформа 1864 года была попыткой привить европейскую правовую культуру на самобытную российскую почву. Как верно отмечает Н.Н. Полянский, «Судебные уставы сформировали не просто новую процедуру, они смогли создать нового человека в мантии, обязанного руководствоваться законом и совестью, а не указанием начальства» [9, с. 24]. Для современного сотрудника правоохранительных органов этот исторический разрыв между «волей начальника» и «буквой закона» продолжает быть актуальным сегодня.

Итак, разговор о преемственности, в аспекте темы, необходимо начать с 1864 года. Это был не просто юридический документ, а настоящий культурный шок для имперской бюрократии. Вводимые принципы, которые сегодня кажутся нам естественными - устность, гласность, состязательность сторон, продолжают оставаться «действующим ориентиром для современного законодателя» [6, с. 112]. Для будущего офицера МВД важно понимать: состязательность - это не помеха следствию, а фильтр, который не дает системе совершить ошибку. Тот разрыв, который существовал между старым «розыскным» судом и реформой Александра II, во многом напоминает наши сегодняшние попытки окончательно изжить обвинительный уклон.

Важным звеном, вокруг которого выстраивалась реформа 1864 года, стал отказ от системы формальных доказательств. До этого времени показания дворянина были важнее показаний кре-

стьянина, а признание подсудимого считалось «царицей доказательств». Реформаторы же провозгласили принцип свободы оценки доказательств по внутреннему убеждению. Как подчеркивал А.Ф. Кони, именно этот переход превратил судью из «чиновника, подсчитывающего формальные баллы за и против, в живого участника поиска истины, ответственного перед своей совестью» [4, с. 182]. Этот принцип можно считать важным элементом преемственности, применительно к ст. 17 УПК РФ. Однако здесь же кроется и первый исторический разрыв, который мы ощущаем до сих пор. В 1864 году внутреннее убеждение судьи должно было формироваться в условиях абсолютной устности и непосредственности. Суд не мог просто прочитать протоколы допросов, составленные следователем; он обязан был сам вызвать свидетеля и заслушать его. В современной же практике можно видеть опасную тенденцию - судебное разбирательство порой превращается в формальное подтверждение материалов уголовного дела. Как отмечал Н.А. Колоколов, сегодня наблюдается «эрозия принципа непосредственности, когда письменное закрепление показаний на стадии следствия доминирует над живым судебным спором» [3, с. 314]. Разрыв очевиден - реформаторы XIX века выстраивали суд как противовес административному произволу, а современная реальность иногда подталкивает систему к упрощению, где следствие фактически продиктовывает приговор. Преемственностью в данном случае является не просто сохранение текста закона, а борьба за то, чтобы внутреннее убеждение судьи не подменялось убеждением следователя, изложенным в обвинительном заключении.

Особое внимание в аспекте преемственности нужно уделить институту судебных следователей, который был введен Уставами 1864 года. Здесь мы видим не просто историческую деталь, а фундаментальный разрыв с нынешней реальностью. В XIX веке следователь был частью судебной власти, а не полицейской структуры. Его задача заключалась в беспристрастном сборе

улик, как изобличающих, так и оправдывающих. Сегодня же следователь, несмотря на то, что является процессуально самостоятельной фигурой, фактически «встроен» в вертикаль исполнительной власти. В этом кроется коренное отличие от идеалов 1864 года. По справедливому высказыванию Б. Б. Булатова «перенос следствия из судебного ведомства в правоохранительные органы в советский период создал обвинительный вектор, который до сих пор довлеет над стадией предварительного расследования» [1, с. 194]. Преемственность здесь сохранилась лишь на уровне терминов, но содержание изменилось до неузнаваемости. Реформаторы 1864 года панически боялись превращения следствия в полицейский сыск, где результат предопределен заранее. Современная же модель, при всех её плюсах в плане оперативности, зачастую вынуждает следователя работать на статистику раскрываемости, что в корне противоречит духу 1864 года.

Справедливости ради отметим, что если реформа 1864 года пыталась выстроить правосудие как независимое, то события 1917 года совершили радикальный, почти сокрушительный разворот. Преемственность была не просто нарушена – старая правовая система была объявлена «классово враждебной» и ликвидирована Декретом «О суде №1». Новая власть видела в судебном процессе не инструмент поиска объективной истины, а механизм защиты диктатуры пролетариата. В этом и кроется главный исторический разрыв: состязательность сторон была заменена принципом партийности и «революционной совестью». По сути, советская модель вернула процесс к дореформенному, инквизиционному типу, где следователь, прокурор и судья работали в единой связке. По мнению И.Л. Петрухина: «отказ от классических принципов 1864 года привел к тому, что суд на долгие десятилетия превратился в оформителя решений, принятых на стадии предварительного следствия» [8, с. 214]. Однако этот период имеет важность для наилучшего понимания эволюции «обвинительного уклона». Именно тогда зародилась практика, когда оправдательный приговор воспринимался не как торжество правосудия, а как чрезвычайное происшествие и «брак в работе» следственных органов. Как писал В.М. Савицкий, «в советский период произошло сращивание следственного аппарата с обвинительной властью, что фактически ликвидировало ту самую процессуальную независимость, о которой грезили реформаторы XIX века» [11, с. 56]. Этот разрыв в правосознании оказался настолько глубоким, что его эхо отчетливо слышно в залах судебных заседаний и сегодня, когда сторона

защиты зачастую воспринимается как досадная помеха на пути к заранее определенному результату.

Таким образом, разрыв преемственности в советский период носил не только идеологический, но и жестко функциональный характер. Если реформа 1864 года видела в обвиняемом субъект права, то советский процесс фактически превратил его в объект государственного воздействия. Это привело к окончательной ликвидации состязательности. «В этот период в России произошла реставрация инквизиционного типа процесса, где функции обвинения и разрешения дела фактически слились в одну карательную магистраль» [13, с. 242].

Отдельного внимания заслуживает вопрос, касающийся замены института присяжных заседателей народными заседателями. В профессиональной среде их быстро окрестили «кивалами», так как их роль сводилась к формальному одобрению решений профессионального судьи. Это был колоссальный откат от идеалов гласности. По мнению С.А. Пашина, советский суд стал «придатком исполнительной власти, где оправдательный приговор воспринимался как системная ошибка, за которую следователь и прокурор могли поплатиться карьерой» [7, с. 118].

Несмотря на сложности рассматриваемого периода, его важность в том, что именно он является точкой отсчета формирования «палочной системы» и культа признательных показаний. Именно тогда закрепилась опасная установка – раз человек задержан и обвинение предъявлено, значит, он виновен. В контексте сказанного интерес представляет мнение В.А. Лазарева, который считает, что «в советские годы была выстроена такая модель следствия, при которой судебное заседание стало лишь торжественным финалом предварительного расследования, лишенным реального спора сторон» [6, с. 74].

В рассуждениях относительно преемственности, не будем игнорировать трансформацию роли прокурора в советский период. Если после реформы 1864 года прокурор был лишь стороной в процессе, обязанным отказаться от обвинения при отсутствии улики, то советская модель «превратила» его в надзорную инстанцию, стоящую над судом. Этот парадокс – когда одна из сторон спора одновременно «надзирает» за законностью действий судьи, окончательно ликвидировал идею состязательности. Процессуалист Л.В. Головкин пишет: «в СССР была выстроена уникальная обвинительная вертикаль, где судебный контроль был заменен прокурорским надзором, что сделало фигуру защитника в процессе почти символической» [2, с. 182].

Небезынтересно вспомнить, что именно в советские годы сложилась порочная практика - если следователь закрепил показания в протоколе, никакие доводы защиты в судебном заседании уже не могли их поколебать. Это был полный разрыв с принципом непосредственности. «Следствие превратилось в фабрику по производству доказательств, где качество работы оценивалось не по истинности, а по процессуальной безупречности оформления бумаг» [14, с. 94]. В этом же ключе стоит рассматривать и деградацию права на защиту. Если адвокаты времен Плевако и Александрова были «звездами» процесса, влиявшими на вердикты, то советский адвокат часто опасался оспаривать саму суть обвинения. «Этот разрыв в статусе защитника привел к тому, что состязательность стала восприниматься как досадная помеха государственному правосудию, а не как способ избежать ошибки» [12, с. 205]. Именно это наследие, т.е. восприятие защиты как враждебного элемента, продолжает оставаться одним из самых труднопреодолимых барьеров на пути к возрождению принципов 1864 года в современной России.

Попытки «соединить разорванную нить» преемственности начинают просматриваться на рубеже 1990-х годов. Принятие Концепции судебной реформы 1991 года стало своего рода декларацией о возвращении к идеалам Уставов Александра II. Главным достоянием этого времени стало возрождение суда присяжных. Однако, как показывает практика последних десятилетий, механическое копирование институтов прошлого не всегда гарантирует восстановление их духа. Как отмечает С.А. Пашин, «возрождение присяжных в России столкнулось с мощнейшим сопротивлением обвинительной вертикали, для которой непредсказуемость народного вердикта является «системным сбоем», а не торжеством справедливости» [7, с. 142]. Несмотря на сказанное, именно этот временной период привнес массу новых процессуальных вызовов, прежде всего институт судебного контроля (например, ст. 125 УПК РФ). Это была своего рода попытка вернуть суду роль независимого арбитра еще на стадии следствия, как это было в 1864 году. Но преемственность здесь носит фрагментарный характер. По мнению С.Б. Россинского, «современный судебный контроль зачастую превращается в процессуальный ритуал, где суд крайне неохотно вмешивается в деятельность следователя, сохраняя ту самую советскую связку «следствие – суд» [10, с. 98].

Разрыв между декларациями и реальностью особенно остро ощущается в вопросе состязательности. Если в XIX веке адвокат был полно-

правным участником исследования доказательств, то сегодня защита часто ограничена стадией ознакомления с уже сформированным томом дела. Мы до сих пор находимся в состоянии незавершенной реформы, где старые инквизиционные привычки системы маскируются под современные правовые формы [5, с. 156]. Преемственность в данном случае - это не достигнутая цель, а постоянная борьба за то, чтобы судебный процесс не превращался в автоматическое засиливание решений следственных органов.

Особым вызовом для преемственности принципов 1864 года в современных условиях стала масштабная цифровизация уголовного процесса. Реформаторы XIX века строили здание суда на фундаменте абсолютной непосредственности - судья должен был лично видеть свидетеля, слышать его интонации, наблюдать за его реакцией. Сегодня же мы наблюдаем технический разрыв этого принципа. Широкое применение систем видеоконференцсвязи и дистанционных допросов, по сути, превращает живой судебный спор в телевизионную трансляцию. Как пишет С.Б. Россинский, «цифровая трансформация процесса несет в себе риск дегуманизации правосудия, когда за экраном монитора теряется живой человек, а состязательность подменяется формальным обменом электронными данными» [10, с. 114]. Для органов предварительного следствия этот разрыв может создать опасную иллюзию упрощения. Если в XIX веке протокол допроса был лишь «тенью» будущего живого выступления в суде, то сегодня электронный документ в электронной системе зачастую воспринимается как окончательная истина. Мы сталкиваемся с тем, что принцип гласности подменяется принципом «доступности файла». «Современная модель правосудия в России все больше дрейфует в сторону технологического формализма, где процессуальные гарантии личности приносятся в жертву оперативной эффективности и экономии времени» [12, с. 201].

Сегодня продолжает дискутироваться вопрос, кающийся статуса прокурора, который так и не вернулся к классической модели 1864 года. Прокурор сегодня по-прежнему надзиратель за следствием, а не просто сторона обвинения. Как подчеркивает Л.В. Головкин, «нынешний прокурорский надзор в суде часто блокирует реальную инициативу защиты, сохраняя обвинительную связку, заложенную еще в 30-е годы прошлого века» [2, с. 201]. Этот разрыв между буквой закона, декларирующей равенство сторон, и реальной вертикалью обвинения остается главным препятствием на пути к полноценной реанимации принципов Великих реформ прошлого столетия.

Нужно сказать, что если и существует в российском судопроизводстве некая константа, неподвластная реформам, то это феномен обвинительного уклона. Именно здесь преемственность носит самый парадоксальный характер. Изменяются законы, политические режимы и названия ведомств, но связка «следователь - прокурор - судья» зачастую остается монолитной. Этот негласный приоритет обвинения над оправданием является главной преградой к реализации духа 1864 года. В данном случае уместно привести высказывание А.В. Смирнова «современный российский процесс страдает от генетической памяти инквизиционной модели, где признание вины на стадии следствия до сих пор считается главным успехом, а оправдательный приговор системным сбоем, влекущим дисциплинарные санкции для всех участников цепочки» [13, с. 312].

Нужно сказать, что преодоление этого уклона невозможно без возвращения к личностной ответственности каждого участника процесса, о которой писали великие реформаторы XIX века. Пока оправдание в суде будет восприниматься как личное поражение следователя, а не как акт правосудия, ни о какой реальной преемственности принципов 1864 года говорить не приходится. Это не просто юридическая проблема, это вопрос ментальной трансформации всей правоохранительной системы.

Анализ изложенного в статье позволяет признать, что преемственность принципов 1864 года в нашей стране носит волнообразный и порой драматичный характер. Мы не идем по прямой линии прогресса, а скорее постоянно возвращаемся к одним и тем же невыученным урокам. Великая реформа Александра II задала настолько высокую планку правовой культуры с её культом независимого судьи и живого слова, что даже спустя 160 лет эти идеалы кажутся труднодостижимым горизонтом.

Главный зафиксированный исторический разрыв наблюдался не только в законодательных документах 1917 года, но и в головах людей. Десятилетия советской инквизиционной модели приучили систему к тому, что суд - это финальный этап следствия, а не место для сомнений. Осознание этой исторической реальности является первым шагом к профессиональному росту. Преемственность сегодня - это не формальное цитирование документов реформы 1864 года, а ежедневная готовность признать: право на защиту и состязательность в суде. В конечном счете, будущее российского правосудия зависит от того, сможем ли мы окончательно преодолеть наследие карательной целесообразности и вернуть в залы судов ту самую живую состязательность, о которой меч-

тали Кони и Фойницкий. Это и станет настоящим, а не формальным восстановлением преемственности великих традиций отечественного права.

Список литературы:

- [1] Булатов Б.Б. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики: учеб. пособие / Б.Б. Булатов. – Москва: Юрайт, 2022. – С. 194.
- [2] Головкин Л. В. Курс уголовного процесса / Л.В. Головкин. – Москва: Статут, 2021. – С. 182, 201.
- [3] Колоколов Н.А. Судебная власть: от лозунгов к пониманию сути / Н. А. Колоколов. – Москва: Юрист, 2010. – С. 314.
- [4] Кони А.Ф. Избранные труды и речи / А.Ф. Кони. – Тула: Автограф, 2000. – С. 182.
- [5] Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе / В.А. Лазарева. – Москва: Юрайт, 2023. – С. 74.
- [6] Лазарева В.А. Уголовный процесс: преемственность и модернизация / В. А. Лазарева. – Москва: Юстиция, 2021. – С. 112; 2023. – С. 156.
- [7] Пашин С.А. Становление правосудия / С.А. Пашин. – Москва: РГ-Пресс, 2022. – С. 118, 142.
- [8] Петрухин И.Л. Правосудие: от власти судей к власти закона / И. Л. Петрухин. – Москва: Проспект, 2018. – С. 214.
- [9] Полянский Н.Н. Очерк развития советской науки уголовного процесса / Н.Н. Полянский. – Москва: Юрид. лит., 1960. – С. 24.
- [10] Россинский С.Б. Уголовный процесс: проблемы теории и практики / С. Б. Россинский. – Москва: Норма, 2023. – С. 98, 114.
- [11] Савицкий В.М. Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве / В.М. Савицкий. – Москва: Наука, 1975. – С. 56.
- [12] Семенов В.А. Уголовный процесс: учебник / В.А. Семенов. – Москва: Проспект, 2023. – С. 205, 248.
- [13] Смирнов А.В. Модели уголовного процесса / А.В. Смирнов. – Санкт-Петербург: Питер, 2021. – С. 242, 312.
- [14] Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам / С.А. Шейфер. – Москва: Норма, 2022. – С. 94.

References:

- [1] Bulatov B.B. Criminal Procedure: Current Problems of Theory and Practice: Textbook / B.B. Bulatov. - Moscow: Yurait, 2022. - P. 194.
- [2] Golovko L.V. Course of Criminal Procedure / L.V. Golovko. - Moscow: Statut, 2021. - P. 182, 201.
- [3] Kolokolov N.A. Judicial Power: From Slogans to Understanding the Essence / N. A. Kolokolov. - Moscow: Jurist, 2010. - P. 314.

[4] Koni A.F. Selected Works and Speeches / A.F. Koni. - Tula: Avtograf, 2000. - P. 182.

[5] Lazareva V.A. Proof in Criminal Procedure / V.A. Lazareva. - Moscow: Yurait, 2023. - P. 74.

[6] Lazareva V.A. Criminal Procedure: Continuity and Modernization / V.A. Lazareva. - Moscow: Yustitsiya, 2021. - P. 112; 2023. - P. 156.

[7] Pashin S.A. Formation of Justice / S.A. Pashin. - Moscow: RG-Press, 2022. - P. 118, 142.

[8] Petrukhin I.L. Justice: From the Power of Judges to the Power of Law / I.L. Petrukhin. - Moscow: Prospect, 2018. - P. 214.

[9] Polyansky N.N. Essay on the Development of Soviet Science of Criminal Procedure / N.N. Polyansky. - Moscow: Yurid. lit., 1960. - P. 24.

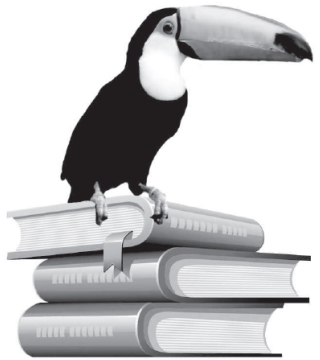
[10] Rossinsky S.B. Criminal Procedure: Problems of Theory and Practice / S. B. Rossinsky. - Moscow: Norma, 2023. - P. 98, 114.

[11] Savitsky V.M. Essay on the Theory of Prosecutor's Supervision in Criminal Proceedings / V.M. Savitsky. - Moscow: Nauka, 1975. - P. 56.

[12] Semenov V.A. Criminal Procedure: Textbook / V.A. Semenov. - Moscow: Prospect, 2023. - P. 205, 248.

[13] Smirnov A.V. Models of Criminal Procedure / A.V. Smirnov. - St. Petersburg: Piter, 2021. - P. 242, 312.

[14] Sheifer S.A. Evidence and proof in criminal cases / S.A. Sheifer. - Moscow: Norma, 2022. - P. 94.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru